

Художник С. ХАРЛАМОВ

К 175 - летию
со дня смерти
Г. Р. Державина

ИСТОРИЯ народа есть история деяний ее сынов. Она сохранила в своей памяти имена многих подвижников и деятелей, верой и правдой служивших России, мечтавших увидеть свою страну могучей державой, с полноправным многонациональным этносом, уверенно заявляющим о себе в мировой цивилизации и культуре. В созвездии блестящих поэтов, писателей, мыслителей, деятелей России сверкал талант Гаврилы Романовича Державина (1743—1816). Даже при одном только упоминании его имени, наверное, каждый вспомнит известное пушкинское: «Старик Державин нас заметил и, в гроб сходя, благословил».

Однако не все, наверное, знают, что Державин был не только поэтом-художником, первым русским поэтом-реалистом, но и одним из крупнейших государственных деятелей России конца XVIII — начала XIX века. Он прожил долгую и сложную жизнь, полную взлетов и падений, почетных назначений на высокие посты и бурных ссор с вельможами и царями. И хотя Державин стал бессмертным в веках не как чиновник, статс-секретарь, сенатор, министр, а как поэт, его государственная деятельность, его отношение к службе на благо Отечества весьма поучительны и не могут не вызывать уважение.

По-разному относились к нему его современники и «представители» последующих поколений. От восторгов и похвал до прямых оскорблений, издевательских оценок, клеветы и даже глумления над его памятью. Для некоторых он и спустя десятилетия оставался врагом, своеобразным «русским Катонном», «тщеславным карьеристом, склочником», якобы травившим «либеральных» сотрудников государя и даже... «кутилой, блудливым повесой». Но гораздо больше свидетельств и воспоминаний говорят о том, что Державин заботился о сохранении «честных нравов», всегда стоял за правду и был нередко, в ущерб своим интересам, «горяч и в правде черт». Даже недоброжелатели вынуждены были отмечать его честность и неподкупность.

Конечно, Державин был сыном своего времени, что объясняет его активное участие в подавлении пугачевского восстания. Он оставался костью от кости и плотью от плоти дворянского общества. Но внутренняя порядочность, честность, прямота поэта не давали возможности для автоматической благополучной карьеры. Откровенность, гордость характера, чуждого чиновничества и низкопоклонства, широкий, накопленный в трудные годы молодости жизненный опыт, отзывчивость к простым людям и негодование на вельмож («Державин, бич вельмож, при звуке грозной лиры их горделивые разоблачал кумиры», — сказал о нем А. С. Пушкин в «Послании цензору») — все это выделяло Державина в кругу знатных людей екатерининского времени, определяло самобытность и привлекательность его личности.

Первым из литераторов России Державин осознал себя поэтом русским, национальным — русским не только по языку, но главное — по мышлению, «филозофии», как говорил он. Мог ли поэт предполагать, что спустя два столетия в стране найдутся люди, рядящиеся в тогу писателей и ученых, которые будут оплевывать русскую культуру, ненавидеть русский народ, демонстрировать подчеркнуто гласно самые дрянные инстинкты — пробудившегося самосознания? Мог ли Гаврила Романович предполагать, что в преддверии XXI века, например, бывший искусствовед, бывший археолог, сменивший мантию ученого на сюртук парламентария, лидер Белорусского народного фронта Зенон Позняк цинично заявит, что ему (то есть Позняку), «человеку другой культуры многое чуждо, неприемлемо и неприятно в творчестве русских писателей и поэтов, обожаемых в России, начиная от Державина и до сегодняшних ниспровергателей. Это прежде всего раздвоенность личности писателей и комплекс какого-то чванливого сознательного шовинизма и неуважения к другим народам. Вся русская литература пропитана этой болезнью» («Народная газета», № 4, Минск, 1990).

Заметим, что эти строки принадлежат человеку, получившему когда-то ученую

степень кандидата искусствоведения за интересное в целом исследование по истории дореволюционного белорусского театра. Диссертант З. Позняк в начале 70-х годов справедливо и достаточно убедительно писал о благотворном влиянии русской, польской, украинской культуры на становление белорусского театрального искусства. Теперь, как видим, времена меняются. Он готов принимать «чванливую», «шовинистическую» русскую литературу просто как «объективную реальность». Возникает вопрос: перед нами перевртыш или очередное озлобление уже не в политике, а в мышлении? Будто не было Пушкина и Некрасова, Толстого и Достоевского, Чехова и Куприна, многих других русских писателей и поэтов, у которых училась вся наша многонациональная литература, в том числе классики белорусской прозы и поэзии. Державин, видимо, и представить не мог, что через 200 лет такие русофобские строки родятся в Белоруссии, с которой его связывало много.

ИТАК, «начиная от Державина...». Еще в 1780 году в оде, посвященной поездке Екатерины II в белорусские губернии, поэт призывал императрицу проявлять справедливость и доброту к «дальним народам», укреплять у людей чувство свободы как самого необходимого и естественного состояния гражданина Отечества.

У Державина имение находилось в Белоруссии (имением тогда называли не одну определенную деревню, а селения, принадлежавшие одному хозяину). Деревни, которыми он владел, входили в состав Полоцкого наместничества Витебской губернии и частично Псковской губернии.

Первое документально подтверждаемое свидетельство о поездке Державина в Белоруссию относится к 1799 году. Причем речь шла не об «инспекции» всего имения, а о разборе жалобы жителей местечка Шклова, в основном торговцев, на притеснения со стороны графа С. Г. Зорича. Как выяснил Державин, у обеих сторон было достаточно оснований для взаимных обвинений.

После разборов конфликтов крестьян с помещиками в Могилевской губернии, возвратившись в Петербург, Державин в сенате подробно объяснял необходимость скорейшего разрешения противоречий «в устройстве края» от «несообразности польских законов с русскими», «но к крайнему удивлению, ничего из сего не вышло к исправлению всего великого в земле беспорядка».

Через несколько лет, уже при Александре I, являясь министром юстиции, Державин будет стараться «о поправлении всех таковых неудобств, происшедших от разности законов». И опять «с сожалением или стыдом» вынужден будет признаться, «что никто ни о чем касательном общего блага отечества, кроме своих собственных польз и роскоши, не пекся...».

Занимаясь расследованием конфликтов, Державин внимательно изучает особенности народного быта в этих новых для него местах, присматривается к обычаям здешних жителей.

Не думал сенатор, что через год, в июне 1800 года, ему вновь придется ехать в Белоруссию по царскому поручению. Рескрипт Павла I, врученный Державину, гласил: «По дошедшему до нас сведению, что в Белорусской губернии недостаток в хлебе и некоторые помещики из безмерного корыстолюбия оставляют крестьян своих без помощи к прокормлению, поручаем вам изыскать о таковых помещиках, где нуждающиеся в пропитании крестьяне остаются без помощи от них, и оных имения отобрать под опеку и распоряжением оной снабжать крестьян из господского хлеба, а в случае недостатка заимствовать оной для них на счет помещиков из сельских магазинов».

Защитить крестьян от произвола Державин считал своим долгом и честью. Приехав в Белоруссию летом 1800 года, сенатор был потрясен их тяжелейшим положением. Особенно его поразило, что голод для них стал привычным состоянием, в то время как помещики и торговцы «довольно имеют запасов». В своих «Записках» Державин рассказывает, что, увидев такое «немилосердное сдирство», он приказал имение князя Яна Огинского взять в опеку, одновременно распорядившись раздать крестьянам хлеба из помещичьих запасов. Точно так же поступил он в Лизно с деревнями помещиков Заранека и Гурко, крестьяне которых страдали от голода, а амбары владельцев ломились от зерна. Было объявлено от имени сенатора, что будут взяты в опеку имения всех помещиков, которые не примут мер к спасению своих крестьян от голодной смерти. Решительные действия Державина заставили местных помещиков пойти на серьезные уступки крестьянам, отказаться от жестокого равнодушия.

Он обратил внимание и на то, что значительную долю ответственности за крестьянский голод несут не только помещики, но и еврейские торговцы. Сосредоточив в своих руках всю монополию на торговле в деревнях вином, они выменивали его на хлеб, с тем, чтобы вновь превратить поли-

тое крестьянским потом зерно в «дурманное зелье». Крестьянин обязан был продавать зерно только корчмарю, которому покровительствовал помещик, и у него же покупать нужные товары. Купленный за дешево хлеб корчмарь сбывал втридорога, делясь барышом с помещиком. Так складывался механизм местной «интернациональной» мафии на рубеже XIX столетия. И Державин вступил с ней в неравную борьбу.

В районе Витебска он встретил около ста повозок ржаной муки, закупленной еврейскими торговцами в Кричеве, Мстиславле для отправки через Ригу за границу. Державин приказал остановить повозки и возвратил хлеб помещикам с последующей раздачей крестьянам.

РЕЗУЛЬТАТОМ миссии Державина явилась обширнейшая записка «Мнение об отращении в Белоруссии голода и устройстве быта евреев». В ней предлагалось улучшить жилища и хозяйства поселян за счет помещиков, ограничить вывоз хлеба из Белоруссии, восстановить казенную продажу соли, принять меры к охране скота от болезней, а также возложить ответственность за прием и выдачу хлеба на местные власти и предупредить помещиков, что «за непрокормление крестьян» будут описываться и дальше в казну их деревни.

Особое внимание Державин уделил устройству быта евреев. Он предложил уничтожить еврейские корчмы, запретить еврейским торговцам торговать вином в деревнях. Определенную часть еврейского населения, в первую очередь бродяг, скитавшихся в поисках случайных заработков,

предполагалось выселить на «порожные земли» в Астраханскую и Новороссийскую губернии. Далее Державин предлагал провести перепись всего еврейского населения, разделив его на четыре класса: а) купцов, б) городских мещан, в) сельских мещан, г) поселян и их работников. В его проекте предусматривалось открыть ряд школ для молодежи еврейского происхождения с целью обучения купеческой бухгалтерии, ремеслам, хлебопашеству. Все это должно было происходить при сохранении уважения к подлинно народным обычаям, религии, культуре. Но, пожалуй, самая главная идея Державина заключалась сначала в ограничении власти кагалов (органов управления еврейской общиной), а затем в их окончательной ликвидации.

Проект Державина для того времени сохранил прогрессивные черты, ибо наносил удар по средневековому кагалному традициям, державшим в повиновении еврейских бедняков и способствовавшим изоляции евреев от народов-соседей. Поэтому он вызвал бешеное сопротивление кагалных старшин. По всем кагалам было провозглашено, что на него накладывается «херем» (проклятие). Против Державина было применено несколько способов нравственного террора: клевета, шантаж, попытка подкупа. Параллельно кагалами было сделано все для того, чтобы любыми средствами не дать хода державинскому проекту. Державин рассказал в своих «Записках» о перехваченном письме, адресованном в Петербург, в котором требовалась его отставка. В случае неудачи помещикам предписывалось посягнуть на его жизнь. Для этих целей в кагалах Белоруссии было собрано 1 млн. рублей. Сумма по тем временам немалая. Этот факт не вызывает сомнений, ибо подтвержден опубликованными протоколами минского кагала, подлинность которых признает «Еврейская энциклопедия». 13 декабря 1802 года минский кагал постановил установить денежный сбор с каждого еврея на оплату расходов, связанных с доставкой императору просьбы о том, чтобы его сановники «не делали никаких нововведений для евреев». Более того, самому Державину была предложена взятка в размере 200 тыс. рублей. Возмущенный Державин рассказывал о попытке подкупа императору Александру I, искренне надеясь, что «государь удостоверится в его верной службе и примет его сторону». Император медлил с ответом, и тогда Державин не без иронии спросил, принять ли предлагаемые двести

